

---

## МОНУМЕНТ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТЕОДОРА АДОРНО

Площадь Теодора Адорно, Франкфурт-на-Майне, 2003

Уважаемые дамы и господа!

Я до сих пор не уверен, нужно ли было выносить на общее обозрение то, что ценно для каждого из нас, – личное, интимное, сокровенное. Но не потому, что боюсь, что индивидуальность будет раздавлена холодностью общественной машины, как уже не раз случалось в нашей с вами истории. Нет. Моя неуверенность исходит из противоположного. Я сомневаюсь и боюсь одновременно, как бы приватное, вдруг оказавшееся под саркастическими взглядами, не развернулось в полную силу, не разнесло вдребезги эту тонкую стеклянную перегородку и не захлестнуло нас своим безумием одиночества.

Я позволил себе невероятное, я бы даже сказал, кощунственное, впервые вынеся под голубое небо то, что всегда было скрыто, недоступно. Я думаю, вы еще не совсем понимаете, что, собственно, произошло. Если вы думаете, что перед вами

стол со стулом, накрытые колпаком, то вам лучше сейчас же повернуться и уйти – и никогда больше здесь не появляться. Перед вами то исходное место, с которого начинается Всё, где творится возможное и невозможное, откуда индивидуальное может захватить в одно мгновение пространство в сотни километров и охватить умы миллионов. Именно кабинет является местом, где решаются судьбы и умонастроения поколений, определяется эстетика и этика поведения. Перед вами удивительная комбинация: стул, стол, свет и ритм. Это универсальное сочетание, которое, видимо, должно было существовать еще до создания человечества, до сказанного впервые Слова. Это удивительно гармоничный квартет – предел и основа Творчества и Мысли. Без этих четырех простейших элементов мы были бы бедны и нищи, как корабельные мыши.

Да, сегодня мы отмечаем 100 лет со дня рождения выдающегося человека, жившего и работавшего здесь неподалеку. Но дело в том, что я спрятал за его спину, усадил за этот стол сотни, а может быть, и тысячи тех гениев и полугениев, которые, сидя вот так же в столь бедной, пуританской атмосфере, навсегда вошли в наше сознание, мысли, действия, не спросив у нас с вами разрешения.

Этот монумент не памятник прошлому. Мы уже имеем тысячи памятников-железок, памятников-минуток, памятни-

---

### MONUMENT TO THEODOR W. ADORNO

Theodor-Adorno-Platz, Frankfurt am Main, 2003

Dear Ladies and Gentlemen!

I am still wonder: was it really necessary to bring that which is so valuable to each of us, namely the personal, the intimate, the innermost, to the light of day? My uncertainty does not stem from the fear that individuality will be crushed by the coldness of society's machine, as so often happens in the history we all have in common. No. I am beset by doubt and am even afraid because of something entirely different. What if the private sphere, exposed to sarcastic gazes so suddenly, were to deploy its full force, smash-

ing this thin glass barrier to smithereens, flooding us with the madness of its loneliness?

I have taken the liberty of doing something unbelievable, I would even say sacrilegious: I have brought out something that was always hidden and inaccessible into broad daylight. I think that you don't understand the ramifications of what this means quite yet. If you think that you are looking at nothing more than a table with a chair under a glass case, you might as well turn your backs on it, walk away, and never come back to this place. What you actually see is the point of departure, the place where everything begins, where the possible and the impossible are created, from where the individual can capture space at a range of hundreds of kilometers in a mere instant, captivating the minds of millions. In fact, the study is the very place from which the fates and mindsets of entire generations are formed, shaping the aesthetics and ethics of their behavior. What you see is an astounding com-

bination: a chair, table, light, and rhythm. Apparently, this universal combination should have existed before the creation of humanity itself, before the first Word was ever uttered. This amazingly harmonic quartet is the limit and the foundation of Creativity and Thought. Without these four basic elements, we would be as poor as church mice.

Of course, we are celebrating the fact that 100 hundred years have passed since an outstanding human being was born, a person who lived and worked not far from here. But the thing is that behind his back, I have hidden hundreds, maybe even thousands of geniuses and half-geniuses just like him. Sitting in an atmosphere just as ascetic and puritan as this one, they have all entered our consciousness, thoughts, and action without ever really asking our permission at all.

This monument is not a monument to the past. We already have thousands of scrap-metal monuments, minute-monuments,



ков без головы и мысли, памятников, которые стали старше прошлого еще до их строительства. То, что вам представляется сегодня невероятно амбициозным по сути, – это вырванные у времени и пространства пауза и молчание. Это монумент творческой задумчивости, когда мысль еще не перешагнула черту осознания. Одновременно этот проект – чистый продукт мысли, выросший только из того, что вам хорошо известно. Здесь нет никакого новаторства. Я, собственно, ничего не сделал. Узнаваемое и Известное, сфокусированные примитивным способом в одной точке, сами образовали слепок-портрет того, кто является Хозяином и Юбиларом данной минуты. Мы можем говорить с большой долей иронии о том, поймал ли художник (то есть я) те или иные характерные его черты или портрет оказался, увы, неудачным. Не мне судить об этом. Я надеюсь лишь на одно – что этот метроном, сердце монумента (а может, и сердце этого замечательного города), будет не Время отсчитывать, а напоминать нам о его вечном отсутствии. И помочь осуществить эту колоссальную работу мы попросим немецкого философа Теодора Адорно.

headless monuments, thoughtless monuments, monuments that became older than the past even before they were ever built. What I am presenting today is essentially unbelievably ambitious: it is a pause, a silence that has been torn out of time. It is a monument to creative meditation, the moment when thought has not yet stepped across the boundary of coming-to-consciousness. At the same time, this project is a pure product of thinking, thinking that has grown out of what you all already know so well. There is nothing innovative here. In fact, I didn't really do anything at all. Focused on one point through rather primitive means, the Recognizable and the Known have involuntarily formed a portrait-mould of the person who is the Master and Hero of the Day. We can include a thorough dose of irony in asking ourselves whether the artist (that is, whether I) was able to capture one or another of his characteristic traits or whether the portrait is, sadly, a failure. It is not up to me to pass judgement on such things. I can do nothing but hope that the metronome that lies at the

heart of this monument (and maybe even at the heart of this excellent city) will not count off time, but that it will remind us of its eternal lack. And in realizing this colossal task, we will need to enlist the help of the German philosopher Theodor Adorno.



В. Захаров на открытии монумента Теодору Адорно  
10 сентября 2003

На странице 241: Макет монумента и фрагменты памятника

V. Zakharov at the unveiling of the Monument to Theodor Adorno, September 10th 2003

Page 241: Mock-up and details of monument

